

Сергей Лаврентьев

*Ректор Башкирской академии государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан*

КОНЦЕПЦИЯ „ПОСТДЕМОКРАТИИ“ И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В РОССИИ

В настоящее время мировая цивилизация переживает эпоху триумфа демократических ценностей в глобальном политическом дискурсе. Демократическая парадигма „народовластия“, приоритета прав и свобод человека, по крайней мере, на уровне официальной идеологии, не ставилась под сомнение даже такими, безусловно, недемократическими лидерами, как М. Каддафи и М. Ахмадинежад. Однако технологии политологического анализа позволяют чётко различать декларации и реальную политику, понимать отличия „легальных“, но остающихся только на бумаге, и „неформальных“, но при этом господствующих политических практик. Поэтому далеко не все государства мира, провозглашающие себя демократическими республиками, на деле таковыми являются. Так, отличительной чертой авторитарных режимов считается имитация демократических институтов и процедур, что характерно для так называемых стран „периферийного капитализма“, согласно терминологии И. Валмерстайна.

Для объективной качественной оценки политических режимов необходим набор индикаторных признаков, позволяющий ранжировать политические объекты в рамках принятой системы классификации. Одним из таких „индикаторных“ признаков является, на наш взгляд, реальный статус института политической партии в политической системе общества, поскольку политические партии – это один из немногих институтов, зарождение которых неразрывно связано с генезисом либеральной демократии. Как пишет Ричард Катц: „Современная демократия – это партийная демократия; политические установления и практики, с западной точки зрения составляющие сущность демократического правления, не только созданы политическими партиями, но и были бы без них немислимы“¹.

В своей нашумевшей в западной интеллектуальной и научной среде книге „Постдемократия“, которая недавно была опубликована на русском языке в издательстве Высшей школы экономики, профессор социологии Уорикского университета (Великобритания) **Колин Крауч** утверждает, что упадок общественных классов, сделавший возможной массовую политику, и распространение глобального капитализма, привели к возникновению замкнутого политического класса, больше заинтересованного в создании связей с влиятельными бизнес-группами, чем в проведении политических программ, отвечающих интересам простых гражд-

¹ Цит по: **Голосов, Г. В.** Сравнительная политология. Новосибирск, НГУ, 1994, с. 108.

дан. Он показывает, что в ряде отношений политика начала XXI века возвращает нас к политике XIX столетия, которая определялась игрой, разыгрываемой между элитами.

Одним из проявлений постдемократических тенденций К. Крауч считает трансформацию структуры института политической партии стран Евросоюза, США и Британского содружества, которые в русской политической традиции принято обозначать термином „Запад“. В качестве главного проявления этой тенденции К. Крауч рассматривает нарастающие олигархические тенденции в кадровой структуре политических Западных партий. Классическая модель демократической политической партии предусматривала партийное кадровое строительство „снизу-вверх“: „вождей набирают из числа активистов, тех набирают из обычных партийцев, те же входят в состав тех слоёв электората, которые партия стремится представлять и, соответственно, разделяют их чаяния и интересы“².

Основная функция промежуточных кругов состоит в том, чтобы обеспечить двухстороннее взаимодействие между политическими вождями и электоратом через различные партийные уровни. То есть, демократический характер функционирования института политической партии обеспечивался пирамидальной кадровой структурой: электорат партии – активные сторонники партии из числа так называемых „пикейных жилетов“ – низовые партийные активисты – аппарат партии – лидеры партии. „Концентрическая модель“ (терминология К. Крауча) была оптимальной для представительства политических интересов различных социальных групп и классов (в марксистской экспликации этого понятия) в парламенте и региональных легислатурах, поскольку партийные элиты зависели, прежде всего, от своих избирателей и низовых активистов. Однако в последней четверти XX в. „центр тяжести“ данной модели стал смещаться в сторону высшей партийной бюрократии, профессиональных политтехнологов и лиц, осуществляющих партийный фондрайзинг (формирование финансовых фондов партийной избирательной кампании). По мнению К. Крауча: „Этот процесс изменяет форму руководящего ядра по отношению к остальным кругам партии. Оно превращается в эллипс, причём начинается этот процесс, как всегда, в тот момент, когда партийные вожди и профессиональные активисты, составляющие сердцевину партии, стремятся либо вознаградить себя, попав в руководство, либо добиться политических успехов в качестве нематериального вознаграждения“³.

Главным фактором и движущей силой этого явления К. Крауч рассматривает изменение социальной стратификации общества в США и странах Евросоюза. Рабочий класс, в том виде, в каком его анализировал К. Маркс, перестаёт существовать. Промышленный капитал выводится в страны третьего мира. В государствах „золотого миллиарда“ остаются лишь разросшиеся офисы управления

² Крауч, К. Постдемократия. М., ВШЭ, 2010, с. 93.

³ Крауч, К. Постдемократия. М., ВШЭ, 2010, с. 95.

промышленными корпорациями. Происходит так называемая „революция клерков“, политическим большинством избирателей являются уже не рабочие и фермеры, а офисные служащие, как государственного, так и частного сектора, широкие, во многом политически маргинализованные, социальные слои „малого бизнеса“. Данные социальные группы, утратившие чёткую классовую самоидентификацию, уже не ориентировались на хорошо информированных активистов, выдвинутых из своей среды, и не имели политической социализации в духе определённой идеологии. Поэтому практически все партии, пережившие постдемократический эволюционный скачок, были вынуждены отойти от жёстко идеологически ориентированных партийных платформ по направлению к большому плюрализму, а точнее – размытости своих предвыборных программ. Возник феномен так называемых „catch all party“ – всех хватающих партий, пытающихся работать с избирателями различных социальных групп и порой противоположных ценностных ориентиров. Классическим примером „catch all party“ является Демократическая партия США.

Другой частью механизма постдемократических трансформаций, стал так называемый „моральный фактор“ политики. Согласно точке зрения К. Крауча: „С тех пор, как идея особого статуса государственной службы была объявлена нелепой и смехотворной, а высшей целью человеческого существования провозгласили стремление к личной наживе, политики, советники и все прочие предсказуемо стали считать продажу своего политического влияния важнейшим и абсолютно легитимным аспектом своего участия в политической жизни“⁴.

Необходимо отметить, и такое последствие снижения роли партийных активистов в структуре политических партий, как возросшая роль финансовых спонсоров избирательных кампаний. Ведь те функции работников низовых партийных избирательных штабов, которые ранее выполняли идейно мотивированные волонтеры, теперь стало возможным обеспечить кадрами лишь посредством привлечения наёмного персонала.

Здесь уместно подчеркнуть, что прогнозы в отношении развития олигархических тенденций внутрипартийной жизни отмечались задолго до К. Крауча такими, теперь уже классиками политологической мысли, как Г. Моска⁵, Р. Михельс⁶, однако нашим коллегам – болгарским политологам было бы интересней узнать о том, как сказывается политический тренд постдемократии на институте политической партии современной Российской Федерации тем более, что политологический анализ данной проблемы на сегодняшний день отсутствует даже в российской политологической литературе. Как известно, принцип многопар-

⁴ Крауч, К. Постдемократия. М., ВШЭ, 2010, с. 96.

⁵ Моска, Г. Правящий класс // Социологические исследования, 1994, № 10, с. 187–198.

⁶ Михельс, Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социологические исследования, 2000, № 1, с. 107–116.

тийности утвердился в России в 1991 году после окончательной утраты КПСС монопольного права на политическую власть. Конституцией 1993 года принцип многопартийности был признан в качестве одной из основ российского конституционного строя⁷. Однако анализ тенденций 20-летнего периода развития многопартийности в России позволяет нам сделать обоснованный вывод о переходе российского института политической партии к „постдемократической“ фазе развития, миную собственно демократию как таковую...

Во-первых, это было обусловлено социально-экономическими условиями, которые, хотя и отличались от западноевропейских, но привели к схожим результатам. Так, радикальные либерально-монетаристские реформы, проведённые правительством Е. Гайдара вопреки рекомендациям ведущих западных экономистов – лауреатов Нобелевской премии по экономике, в том числе В. Леонтьева, привели к свёртыванию индустриального сектора реальной экономики на 70%. Для сравнения, экономические потери США в ходе так называемой „Великой депрессии“ – 29% промышленных мощностей. Беспрецедентная деиндустриализация постсоветской России не могла не привести к тектоническим сдвигам в социальной стратификации общества, а, значит, и к изменениям в структуре электоральной базы молодых российских политических партий. Рабочий класс России резко сократился в числе, а, значит, сузилась традиционная электоральная база партий левого спектра. Сохранившийся рабочий класс „сырьевых“ отраслей и, прежде всего, нефтедобывающей по уровню доходов оказался в составе среднего класса и стал маловосприимчив к эгалитарной идеологии. Вместе с тем сформировались широкие слои „новых бедных“ – работников бюджетной сферы и сферы обслуживания. Большинство из них обладали высшим образованием, но при этом их доходы зачастую не превышали официально определённой государством черты бедности. Политическое сознание этой маргинализованной группы структурно состояло из двух логически несовместимых идеологических блоков. С одной стороны, элитарных праволиберальных ценностей, среди которых можно отметить веру в рыночную экономику, преклонение перед Западом, принятие аксиомы о естественном неравенстве людей в виду изначального неравенства способностей индивидов. С другой стороны, эта группа считала своё положение в системе социальной стратификации постсоветского общества „противоестественным“ и „несправедливым“. Собственное расположение в стране „новых бедных“ они объясняли общим дефектом российской политической системы, „неправильной демократией“, „неправильной рыночной экономикой“, засильем бюрократии, а, следовательно, поддерживали эгалитарную идею перераспределения национального дохода в свою пользу. Примерно к четвёртому электоральному циклу трансформация структуры российского электората стала настолько выраженной и очевидной, что те партии, которые не учли новых

⁷ Конституция Российской Федерации. М., Ось-89, 1999, с. 7.

тенденций, просто утратили не только статус парламентских партий, но и статус зарегистрированных политических партий вообще. Так, старейшая либеральная политическая партия – „Демократический выбор России“, впоследствии „Союз правых сил“, позиционировавшая себя как партию бизнеса, дважды не смогла преодолеть порог прохождения в Российский парламент. Леворадикальные партии „диктатуры рабочего класса“ – „Трудовая Россия“ и „Сталинский блок“ просто прекратили своё существование как зарегистрированные организации. Преемница КПСС, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), формально сохраняя в своём названии слово „коммунистическая“, фактически перешла на социал-демократические позиции и отошла от постулатов классического марксизма. Сегодня КПРФ активно играет не только на „левом“, но и на „правом“ поле, эксплуатируя лозунги российской державности и патриотизма. В ходе избирательной кампании шестого цикла осенью 2011 года лидер КПРФ Г. А. Зюганов неоднократно озвучивал с экранов центрального телевидения идею о том, что Иисус Христос был первым коммунистом на земле, что является индикатором окончательного идейно-философского разрыва КПРФ с традицией как ортодоксального марксизма, так и „ленинизма“ как его российской разновидности.

В свою очередь, предвыборная политическая платформа правящей пропрезидентской партии „Единая Россия“ состоит из массовых эгалитарных обещаний большинству социальных групп избирателей: бюджетникам, армии, малому бизнесу, а также из завуалированных сигналов господствующим в экономике корпорациям о гарантиях неприкосновенности крупной частной собственности и недопустимости уравнительного перераспределения доходов.

Примерно из таких же разнообразных, зачастую несовместимых идейных осколков традиционных политических идеологий состоят программы и двух других российских парламентских партий – Либерально-демократической партии России (ЛДПР) и „Справедливой России“. Таким образом, можно утверждать, что все современные парламентские партии России, представленные в Государственной Думе, являются „catch all party“ по своему типу.

Постдемократическая тенденция к олигархизации захватила все политические партии едва ли не с первых дней их существования. Ввиду трансформации традиционных социально-экономических классов, отсутствия глубокой политической социализации электората успех на выборах зависел, в первую очередь, от качества партийной избирательной кампании, что требовало огромных и всё возрастающих финансовых вложений. Российская политическая практика имела перед собой прецеденты, когда в первом туре Президентских выборов электорат голосовал за кандидата одного, а во втором – за кандидата от противоположного идеологического спектра. Поэтому всё больший удельный вес в избирательных списках ведущих политических партий стали занимать долларовые мультимиллионеры и даже миллиардеры, помогающие партии в осуществлении предвыборного фандрайзинга. В свою очередь, остальная часть партийной элиты формиро-

валась за счёт несменяемых партийных функционеров, „партийных бояр“, чьё включение в избирательные списки практически не зависело ни от электоральных рейтингов, ни от репутации в среде рядовых партийцев. Эту тенденцию можно наблюдать даже на примере самой эгалитарной из всех парламентских фракций Государственной Думы России – КПРФ.

В свою очередь, российское государство, как традиционно самый сильный актор политики не только не предприняло мер по ограничению постдемократических тенденций, но и катализировало их течение реформой партийной системы 2001–2005 годов⁸. В ходе реформы с 5 до 7% был поднят „порог“ прохождения в государственную думу, а главное – резко ужесточены условия регистрации для новых политических партий, отменены выборы по одномандатным избирательным округам, что чрезвычайно упрочило позиции старых партийных бюрократий. Не случайно, даже традиционно оппозиционная властям партийная бюрократия КПРФ с одобрением высказалась о проведённой реформе.

Таким образом, „постдемократизм“ российской политической системы, хотя и сформировался несколько иными эволюционными путями, привёл к схожим со странами ЕС и США результатам. Вместе с тем, если Западный „постдемократизм“ как бы сосуществует с укладом классической демократии, которая его существенно ограничивает, то российский постдемократизм заглушил ростки демократии в самом зародыше. Перефразируя В. И. Ленина, писавшего о России начала XX века как о стране, где „капитализм был развит слабо, зато империализм очень хорошо“, можно сказать о современной Российской Федерации как о государстве, где демократические институты развиты слабо, зато постдемократические тенденции очень сильно. Российская империя как бы „перепрыгнула“ капиталистическую, рыночную стадию социально-экономического развития, которая длилась с 1905 по февраль 1917 года, предприняв попытку „большого скачка“ от феодально-абсолютистских отношений к тоталитарному социализму. В политической истории постсоветской России произошёл похожий скачок от короткого периода собственно демократического развития 1991–1999 к постдемократическому периоду „нулевых“ годов XXI века. Вместе с тем, также как и в начале прошлого столетия, такие скачки несут в себе серьёзный потенциал политических рисков в виде внутриэлитных конфликтов (февральская революция 1917 г. в России) или социального взрыва (Октябрьская революция 1917 г.)

Поэтому „особый путь России“ видится сегодня в инсталляции классических демократических институтов. Точно также как после мирового финансового экономического кризиса многие авторитетные экономисты заговорили о „новом прочтении Маркса“, в России необходимо новое прочтение классиков теории

⁸ Орлинская, О. М. Федеративный аспект партийной реформы современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2011, № 2, с. 142–145.

демократии: Т. Джефферсона, А. д. Токвиля и Ш. Монтескье и др. Демократизация политической системы России придаст ей большую устойчивость, а также создаст условия для подлинной, глубинной модернизации российского общества.

Список использованных источников и литературы

Голосов, Г. В. Сравнительная политология. Новосибирск, НГУ, 1994.

Крауч, К. Постдемократия. М., ВШЭ, 2010.

Михельс, Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социологические исследования, 2000, № 1.

Моска, Г. Правящий класс // Социологические исследования, 1994, № 10.

Орлинская, О. М. Федеративный аспект партийной реформы современной России. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2011, № 2.